

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURIDICAL SCIENCES

УДК: 343.97

Новичков Валерий Евгеньевич

доктор юридических наук, профессор Юго-Западного
государственного университета, г. Курск

**НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В СООТНОШЕНИИ С ПОНЯТИЕМ
«СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»**

В статье рассматриваются традиционные и нетрадиционные, но научно обоснованные и допустимые методологические подходы изучения личности преступника и субъекта преступления в их соотношении. В частности, обосновывается позиция криминологического подхода в исследовании преступного поведения человека и его личности в связи с набором его биологических, физиологических, психических, генетических, «из вне приходящих» и иных свойств и качеств, а в уголовном праве преступника рассматривать, как лицо, подлежащее уголовной ответственности и включать из числа известных на сегодняшний день признаков личности преступника, только те, что охватываются содержанием понятия «субъект преступления». В целом, изучая феномены понятий «личность преступника» и «субъект преступления» не следует игнорировать данные о «биологизации» и «социологизации» человека, а также проходящих в его головном мозге биохимических процессов, продуцирующих мотивы, чувства, побуждения, потребности и др.

Ключевые слова: личность преступника, субъект преступления, вина, состав преступления, уголовная ответственность, наказание, рефлексия, биологические, социальные, космические, из вне приходящие факторы влияния.

Novichkov Valery Evgenyevich

doctor of legal Sciences, Professor, Southwest state University (Kursk)

**SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS IN THE STUDY
OF THE INDIVIDUAL OFFENDER IN RELATION
TO THE CONCEPT OF "OFFENDER"**

The article discusses traditional and non-traditional, but scientifically sound and valid methodological approaches to the study of the individual offender and the offender in their relationship. In particular, substantiate the position criminological approach to the study of criminal behavior of the person and his personality in connection with the set of its biological, physiological, psychological, genetic, "from the outside coming" and other properties and qualities, and in criminal law the offender is to be regarded as persons subject to criminal liability and to include among the currently known characteristics of the individual offender, only those that are covered by the notion "subject of crime". In General, studying the phenomena of the terms "offender" and "offender" should not ignore the data on the "biologization" and "sociological" man, and passing his brain biochemical processes producing motives, feelings, motives, needs etc.

Key words: personality of a criminal, the subject of the crime, fault, offence, criminal liability, punishment, reflection, biological, social, space, coming from the outside factors of influence.

С момента происхождения организованного сообщества людей, объединения их в более сложные организованные системы и до момента формирования государств, их разнообразных региональных и мировых союзов, — возникает и развивается проблема изучения преступного поведения человека, личности преступника и соответствующих реакций на недопустимость такого поведения в обществе. С учётом того, что данные исследования связаны, как минимум, с двумя сложными системами биологического и социального типа и их подсистемами открытого и закрытого видов, подобные изыскания проводятся различными отраслями научного знания, в том числе и науками криминологического цикла — уголовной политикой, уголовным правом, криминологией и т. д. В свою очередь, в предмет современной криминологии включено изучение преступного поведения человека и его личности с набором биологических, физиологических, психических и иных свойств и качеств, а уголовное право рассматривает преступника, как лица, подлежащего уголовной

ответственности — лишь отдельные признаки личности преступника, которые охватываются содержанием понятия «субъект преступления». Конечно, говоря о «субъекте преступления», мы одновременно имеем ввиду и личность индивида, с её внутренними потребностями, общими, индивидуальными свойствами психики и особенностями психологии, способную мыслить и мотивировать своё поведение, правильно либо ошибочно таксировать «виновность — невиновность» фактического содержания своих общественно значимых поступков (в уголовно-правовом понимании — негативная общественно-опасная значимость деяния). Та или иная мера выражения личностных свойств и социальных качеств человека, с учётом их общественной опасности и антиобщественной направленности в криминологии означает квази-нравственную направленность личности преступника (нравственную противоречивость личности), а в уголовно-правовом смысле считается виновностью субъекта преступления. Иными словами, понятия «личность преступника» и «субъекта преступления» объединяют и сопровождают четыре «взаимо диффундирующие» материально-субъективные, реально-формальные категории «вина», «преступление», «уголовная ответственность» и «наказание». Такое «взаимопроникновение» следует и из прямого текста действующего уголовного закона современной России, в котором под преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещённое УК РФ под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК), а виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности, т. е. если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления или не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично (ст. 25 УК), а также, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий либо лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих

действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (ст. 26 УК). В свою очередь известные отечественные криминологи отмечают, — личность преступника является основным и важнейшим компонентом механизма преступного поведения, поскольку в каждом конкретном случае сама личность принимает решение о совершении преступления и, следовательно, становится «субъектом преступления», «осуждённым», а в конечном итоге, «судимым», а. признак виновности, являющийся необходимой характеристикой любого преступления, показывает, что преступное деяние, как умышленное, так и совершенное по неосторожности, в той или иной мере является следствием и выражением социальных качеств, личностных свойств индивида, его общественного лица (антиобщественная направленность или нравственная противоречивость личности) [1].

Виновность лица, совершившего общественно опасное деяние, определённое в уголовном законе как преступное и наказуемое может служить основанием уголовной ответственности при наличии ряда основных и иных условий, в число которых входят: вменяемость физического лица, достижение ко времени совершения преступления физическим лицом шестнадцатилетнего возраста (ч. 1, ст. 20 УК). Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, указанные в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Если же несовершеннолетний достиг возраста, по достижении которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Совокупность всех вышеназванных основных условий уголовной ответственности теория уголовного права связывает с понятием «субъект преступления», и определяет его место в составе обязательных признаков

«состава преступления» в связи с чем можно говорить, во-первых, о том, что данный термин уголовно-правовой, который, представляет юридическую характеристику лица, совершившего преступление и, во-вторых, предполагает, что кроме условий уголовной ответственности существуют ещё и основания её наступления. На этот счёт уголовный закон безальтернативно указывает на то, что единственным и достаточным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Таким образом «субъект преступления» не только представляет одно из условий уголовной ответственности, но и в совокупности с другими признаками состава преступления становится основанием уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Согласно УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления: объекта и объективной стороны субъекта и субъективной стороной преступления, «предусмотренного настоящим Кодексом» (ст. 8 УК). Как содержание субъективной стороны, внутренняя психическая деятельность субъекта преступления с его подсознательной мотивацией и многими другими побудительными, целевыми установками и эмоциональными качествами является также сутью личности преступника и его преступного поведения, без адекватного отражения которых невозможно установить вину субъекта. В данном аспекте содержание «субъекта преступления» и «личности преступника» рассматривается не только с позиции их соотношения, но и указывает на тождественность их основных свойств, качеств и характеристик.

Тождественность свойств двух рассматриваемых феноменов важна не только сама по себе, но и в связи с тем, что она, во-первых, связана между собой, во-вторых, как мы отмечали ранее, эти феномены объединяют и сопровождают четыре «взаимо диффундирующие» материально-субъективные, реально-формальные категории «вина», «преступление», «уголовная ответственность» и «наказание», в-третьих, исследование проблемы субъекта преступления

и личности преступника носит комплексный характер, в-четвертых, их разработка опирается положения многих отраслей научного знания и соответствующие методологии объектоцентристского и субъектоцентристского характера. При этом задача состоит в том, чтобы вскрыть конкретные механизмы прямой и обратной связи между личностью (субъектом) и её биологической, физиологической сущностью, между личностью (субъектом) и средой, формирования и реализации, мотивации и мотива преступного поведения, личности преступника, выбора соответствующего варианта поведения в определённой ситуации и т.д.

В литературе справедливо отмечалось, что одинаково ошибочны как односторонняя биологизация, а сегодня и генологизация и психологизация понятия личности преступника, а также субъекта преступления в части его внутренней психической деятельности, состоящая в попытке рассматривать личность лишь как совокупность определённых биологических и психических характеристик, безотносительно к её социальной составляющей, так и односторонняя социологизация и уголовно-правовая формализация этих понятий — сведение личности и субъекта преступления к их общественно-социальным отношениям, без учёта либо недооценки важности биологического, психического, эмоционального и иного состояния личности преступника, а также субъекта преступления [2].

Все вышеназванное, общее, особенное и индивидуальное в биологической и социальной человеческой личности и в уголовно-правовом аспекте субъекта преступления находятся в неразрывном единстве в одном случае с момента рождения и до смерти, в другом случае, с момента юридической формализации и до окончания правовых отношений.

В первом случае проблема личности преступника будет решаться с позиций биологизма; имеется в виду наличие определённых генов у индивидуума, отвечающих за реализацию самозащиты в той или иной форме «агрессии» на внешние (в т. ч. и общественные) раздражители или генетической предрасположенности человека к «мерцательной», «фибрилляционной»

агрессии («мерцательная» или «фибрилляционная» означает возможность изменения генетической реакции на внешние раздражители, как в позитивном, так и в негативном аспектах), например, к активной защите интересов или к активному, темпераментному выполнению порученной работы (таких людей мы называем «трудоболика») либо к асоциальности и т. д. [3]. С развитием цивилизации наблюдается последующее перерождение свойств этих же генов в направлении позитивной реализации агрессивности, её форм и видов, например, в сторону самовыражения личности, повышения интеллекта и научных знаний, а также различных негативных «комплексов» и «импульсов» агрессивности, жадности и иных «условностей» и «пороков», которые характеризуют и отличают человека от остального животного мира.

Во втором случае (без учёта вышеназванного первого случая) решение этой же проблемы будет основываться на признании социальной и общественной обусловленности того, что характеризует личность преступника, — его общественной и социальной природы, социальных связей и зависимостей. На сегодняшний день доказано экспериментально, что индивид (человек) вне социума, без общения с себе подобными, жить не может, он умирает физически. Более того, в условиях перенаселения и скученности у индивидуумов образовывается так называемая «поведенческая раковина» (англ. *behavioral sink*) или «поведенческая клоака», обозначающие переход к деструктивному и девиантному поведению [4]. Так, например, американский этолог и исследователь психологии Джон Би Кэлхун в связи с проблемами популяционной плотности и её влияния на поведение установил, что при превышении определённой плотности населения и заполнении всех социальных ролей в популяции возникает растущая прослойка молодых «изгоев». Острая конкуренция между ними и старшим поколением приводит к распаду социальных связей и крушению общества в целом, его перехода в такое состояние, когда при низкой смертности нормой становится примитивное «аутистическое» поведение, ведущее к вымиранию популяции. Используя отсылку к Откровению Иоанна Богослова Дж. Кэлхун описал распад общества

как «смерть в квадрате» (англ. *death squared*), при этом «первую смерть», смерть духа, «подопытные» переживали ещё при жизни [4, 5].

В третьем случае с позиции субъектоцентристского и объектоцентристского подходов (рефлексия) личность преступника и субъект преступления рассматриваются и с позиций биологизации и с позиции социологизации и с иных, научно обоснованных методологических воззрений. Так, в настоящее время в уголовно-правовой политике и криминологии при изучении личностных качеств человека используют такие методологические знания как синергетический подход, позволяющий исследовать коллективное поведение как совместное действие отдельных частей какой-либо неупорядоченной системы (к примеру, организованных преступных групп), в результате которого происходит самоорганизация систем и образование устойчивых структур [6]. Заслуживают внимания и применения оригинальные положения синергетики о многовариантности и непредсказуемости любых явлений, видах случайности, глубокой взаимосвязи хаоса и порядка, процессах и механизмах самоорганизации в природе и обществе, специфике открытых (нелинейных) систем и др.

Представление о личности преступника дают новейшие знания о деятельности головного мозга человека, в котором протекают все субъективные процессы с последующей их объективизацией. Исследования показывают, что «схема механики» возникновения и работы субъективной стороны (части) головного мозга связана с биолого-химическими реакциями, но они же меняются и совершенствуются самим головным мозгом без использования так называемой «биолого-химической составляющей». В результате чего, каких механизмов и факторов совершенствуется субъективная сторона деятельности человеческого мозга неизвестно и вряд ли будет раскрыта в ближайшие тысячелетия, но то, что эта деятельность проистекает вонне физиологии человека и окружающего нас мира установлено рядом экспериментальных данных [7].

Назовём эти внешние, космические ли, вселенские ли или какие-бы то ни было иные воздействия на субъективную сторону головного мозга, которые

затем преобразовываются в биохимические процессы, продуцирующие, в свою очередь, мотивы, чувства, побуждения, потребности и др., — «ab extra adventum» («из вне приходящие»). Напомним, что ещё в начале 19 века М. П. Чубинский утверждал, что на преступность и личность преступника влияют естественные, природные и космические, социальные и биологические факторы [8].

Иными словами, раскрывать содержание понятия «личность преступника» с последующим проецированием его свойств и черт на содержание понятия «субъекта преступления» намного оптимальней с учётом всех тех общетеоретических положений, которые изучают всё многообразие известных на сегодняшний день признаков, определяющих индивида как личность.

Поясним представленный выше рефлексивный подход методологии понимания личности преступника в соотношении с понятием «субъект преступления».

В отечественном праве, в уголовном праве и криминологии в частности, на протяжении последних 100 лет, условно говоря, сложились две области знания, которые между собой практически не пересекались. Одна из них, превалирующая, была «замешана» на классовом, антагонистическом принципе, раскалывающем любую форму мировоззрения на два соперничающих классовых интереса. В этой связи в уголовном праве, частично в криминологии, уголовной и пенитенциарной политике человек становился такой высокой степенью абстракции, что он просто растворялся в понятии и содержании регулируемых государством «общественных отношениях». Соответственно, эти государственно-правовые отрасли конструировались на таких же абстрактных категориях, которые отражали не совсем определённые, искусственно созданные феномены «общенародного государства», на таких же правовых институтах, базирующихся на «сверх общих» принципах «всесторонней защиты общества, государственного строя» и т. п.

Сегодня в нашем обществе возрождается интерес к человеку, к его будущему, и это способствует объединению научных исследований в правовой области и их дальнейшего совершенствования. На этом фоне естественным

образом возникают новые направления научного знания (или востребуются забытые старые), такие как философия, социология, психология, психиатрия, педагогика, этика перспектива права и другие отрасли научного исследования, которые связаны с эмпирической разработкой права его социологии и политики, попытками и желанием увидеть место человека, как биологического и общесоциального существа в тесной связи его природной и общественной принадлежностью в современном мире и будущей жизни.

Подобное стремление потребовало от учёных пересмотреть ранее существовавшие философско-методологические подходы в научных исследованиях. И сегодня уже можно говорить, что научные разработки в праве зиждутся на двух мировоззренческих позициях — объектоцентристской и субъектоцентристской. Такое понимание происходит в уголовном праве и криминологии, где при исследовании личности преступника и субъекта преступления используются как общепринятые подходы в области науковедения, так и нетрадиционные, но научно обоснованные методологические средства, которые дополняют основные и общепринятые. Здесь учёные, в первую очередь, учитывают то, что грань между догматизмом и единством методологических подходов зыбкая, вследствие чего в современной науке одновременно существуют и используются самые разнообразные методы изучения индивида, начиная от спекулятивных, религиозных и философских (диалектических) и заканчивая научными: реальными (материалистическими) и идеальными (субъектоцентристскими) методами. Однако такие методы стали значительно более разнообразными, гибкими и утончёнными, а также гораздо более изученными с научной точки зрения. Учитывая, что любая личность, будь она преступником или субъектом, совершившим общественно опасное деяние (преступление), — это комплекс биологических, субъективных, объективных, общественных и иных разнообразных сторон, качеств, функций и характеристик, то методологическую и концептуальную основу её изучения также составляют объектоцентристские и субъектоцентристские методы [9].

Подобная «гибридизация» методологических приёмов обусловлена тем, что исследуемая уголовно-правовая и криминологическая область «соотношения личности преступника и субъекта преступления» не абстрактна, а социально обусловлена и рассматривается в контексте биологического, исторического, общественного, ментального, культурного, духовного и иного развития личности человека, учитывающая насущные проблемы государства, политики, права, практики и прочего другого. Кроме того, такой подход вызван тем, что, во-первых, «личность преступника» в криминологическом аспекте исследует человека как материальный объект и как общественное явление, что предопределяет в основном гносеологический подход к исследованию данного феномена, и, одновременно, требует субъектоцентристского подхода к изучению и «личности» в тесном смысле слова (личности преступника, индивидуального преступного поведения и т. д.).

Во-вторых, и «личность преступника», и «субъект преступления» изучаются с позиций уголовно-правовых, уголовно-политических, пенитенциарных и адаптационных направлений государственно-правовой жизни, которые характеризуются как субъектоцентристскими, так и объектоцентристскими подходами в исследованиях единичного и множественного преступлений, совершаемого субъектом (субъектами), проблем наказания и отбывания его осуждёнными, судимостью и реализацией уголовной ответственности, вопросов правотворчества и правоприменения, где основным фактором выступает личностный, субъективный и лишь затем объективный. Речь идёт о том, что субъект в праве и его реализации выступает не только в качестве носителя (нарушителя) интересов, но он является и творцом права, наделяющим право, политику, прогнозирование и правоприменение конкретным содержанием, толкующим и интерпретирующим их; он их проводник, он может их осуществлять, нарушать, изменять или дезавуировать.

Объектоцентристский подход в утрированном виде, как основа политической и правовой идеологии, понимает человека в качестве зависимой переменной, определяемой условиями жизни, возможностями, определёнными

отношениями с другими людьми, общественными отношениями и т. п. Если руководствоваться только одной этой методологией, то интересы и блага человека являются вторичными и будут рассматриваться государством и в праве далеко не в первую очередь, например, как средство формирования базисных, экономических отношений (рабочая сила), а в случаях их нарушения, — злоумышленником (субъект преступления, преступник), в первую очередь этих отношений. В тоже время объектоцентристское мировоззрение рассматривает человека как результат естественного, исторического процесса, в ходе которого развитие и деятельность человека определяются социальными, экономическими, политическими, правовыми, техническими и иными условиями в рамках существующих и перспективных общественных отношений. Однако при таком подходе трудно объяснить многое. Например, в эту схему не вписывается человек нетрадиционных взглядов и поведения, будь он правонарушителем, преступником или правопослушным гражданином. С этих позиций также трудно, а порой и невозможно понять почему человек плохо адаптируется к наличным социальным условиям, почему он не терпит бесконфликтного существования в семье, школе, на улице и в обществе, спорит и не соглашается с отдельными нормами права, некоторыми правилами общественного и социального поведения, с внутренней и внешней политикой правительства, имея прекрасную работу и значительные средства к существованию, почему же все-таки он совершает преступления, а также многое другое. Вот почему в настоящее время в различных общественно-гуманитарных науках осуществляется постепенный переход к рефлексивному методу познания человека и его личности, объединяющему в себе объектоцентристскую и субъектоцентристскую концепции изучения индивида в общественной и иной реальности.

В. П. Казимирчук и В. Н. Кудрявцев, обосновывая диалектику субъективного и объективного в процессе правовой социализации личности, подчёркивали, что «противоречия между субъективно намеченными, хотя и самыми гуманными целями, и объективным содержанием общественных

отношений приводят на практике к разрыву между объективными и субъективными факторами социализации индивида» [10].

В заключение вышесказанного, отметим, что анализ различных точек зрения о понятии субъективного можно сделать следующие выводы: 1) идеальное существует в предметной общественной деятельности и выражается в её предметных воплощениях; 2) актуально идеальное существует в голове человека с помощью реальной предметной деятельности; 3) идеальное наличествует во всех сферах действительности, в том числе в праве, политике и криминологии, а, соответственно, и в «личности преступника» и «субъекте преступления».

Литература

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2014. С. 8, 16. (368 с.)
2. Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника. (Психологический аспект). Дис. ... докт. психол. наук: 19.00.06. Харьков, 2000. С. 52–54. (551 с.)
3. Кудрявцева Н. Н., Маркель А. Л., Орлов Ю. Л. Агрессивное поведение: генетико-физиологические механизмы // Вавиловский журнал генетики и селекции, 2014. Том 18. № 4/3. С. 1133–1155.
4. Calhoun, John. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proc. roy. Soc. Med.. 1973. Vol. 66, no. 2. P. 80–88.
5. Библия (с иллюстрациями Гюстава Доре (220 илл.). Синодальный перевод / Новый Завет. Апокалипсис. От Иоанна святое Благовествование. Главы 1–21. М.: Изд-во: АСТ, 2010. (968 с.).
6. Хакен Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и процессах / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М.: Мир, 1985. С. 15. (424 с.)
7. Thomas Andrillon, Andreas Trier Poulsen, Lars Kai Hansen, Damien Léger and Sid Kouider. Neural Markers of Responsiveness to the Environment in Human Sleep // Journal of Neuroscience 15 June 2016, № 36 (24). P. 6596–6583.
8. Чубинский М. П. Курс уголовной. — Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909. С. 332–336. (450 с.)

9. Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД РФ, 2005. С. 78. (471 с.)

10. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права. М.: Юристъ, 1995. С. 111–112. (297 с.)

References

1. Antonjan Ju.M., Jeminov V.E. Lichnost' prestupnika. Kriminologopshicheskoe issledovanie. M.: Norma: Infra-M, 2014. S. 8, 16. (368 с.) (*in Russian*)

2. Pastushenja A.N. Kriminogennaja sushhnost' lichnosti prestupnika. (Psichologicheskij aspekt). Dis. ... dokt. psihol. nauk: 19.00.06. Har'kov, 2000. S. 52-54. (551 с.) (*in Russian*)

3. Kudrjavceva N.N., Markel' A.L., Orlov Ju.L. Agressivnoe povedenie: genetiko-fiziologicheskie mehanizmy // Vavilovskij zhurnal genetiki i selekcii, 2014. Tom 18. № 4/3. S. 1133–1155. (*in Russian*)

4. Calhoun, John. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proc. roy. Soc. Med.. 1973. Vol. 66, no. 2. P. 80-88.

5. Biblija (s illjustracijami Gjustava Dore (220 ill.). Sinodal'nyj perevod / Novyj Zavet. Apokalipsis. Ot Ioanna svjatoe Blagovestvovanie. Glavy 1-21. M.: Izdvo: AST, 2010. (968 s.). (*in Russian*)

6. Haken G. Sinergetika: ierarhii neustojchivostej v samoorganizujushhihsja sistemah i processah / Per. s angl. Ju.A. Danilova. — M.: Mir, 1985. S. 15. (424 s.) (*in Russian*)

7. Thomas Andrillon, Andreas Trier Poulsen, Lars Kai Hansen, Damien Léger and Sid Kouider. Neural Markers of Responsiveness to the Environment in Human Sleep // Journal of Neuroscience 15 June 2016, № 36 (24). P. 6596–6583.

8. Chubinskij M. P. Kurs ugolovnoj. — Jaroslavl': Tip. Gub. pravl., 1909. S. 332–336. (450 с.) (*in Russian*)

9. Novichkov V. E. Prognozirovanie v sfere bor'by s prestupnost'ju v sovremennoj Rossii: dis. ... d-ra jurid. nauk. M.: Akademija upravlenija MVD RF, 2005. S. 78. (471 с.) (*in Russian*)

10. Kazimirchuk V. P., Kudrjavcev V. N. Sovremennaja sociologija prava. M.: Jurist#, 1995. S. 111–112. (297 с.) (*in Russian*)